

Grand Strategies of Russia and China: common trends and potential confrontation

M. E. Navdaeva¹

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-288-301

Research article
Full text in Russian

The article focuses on the grand strategies of Russia and China, including both common and specific goals of two states. The current system of international relations is undergoing drastic changes as the status of the United States as a superpower and its global power are eroding. More regional poles of power appear, including Russia and China. Through the implementation of their grand strategies, they seek for their place in a changing world order. Both share the desire to form a more just, multipolar world order based on the supremacy of international law and norms, as well as advocate strengthening the role of the United Nations as the basis and guarantee of following the principles of international relations. Both countries oppose hegemony and the imposition of the norms of the “collective West” on other participants of the world order, interference in internal affairs and undermining the national security. At the same time, it is obvious that Russia and China also have differences in their geopolitical aspirations. China today is increasingly obtaining the features of a superpower, and some researchers believe that she may become one in the future. That is why there is a need to take into account the potential risks of China’s rising for Russian grand strategy and place in the world system in general. As a result, the article concludes that although the current Russian-Chinese relations are beneficial and provide broad support for both countries, it is necessary to analyse potential conflicts when building relations with a rising China.

Keywords: Grand strategy; world order; hegemony; superpower; Russian-Chinese relations; turn to the East; great rejuvenation of the Chinese nation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Navdaeva, Maria E. | E-mail: navdayka6848@list.ru
Postgraduate

For citation: Navdaeva M. E. Grand Strategies of Russia and China: common trends and potential confrontation // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 288-301. (in Russ.)

Большие стратегии России и Китая: общие векторы и потенциальные конфронтации

М. Е. Навдаева¹

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-288-301
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья предоставляет анализ больших стратегий России и Китая, включающий общие направления и частные цели. Отмечается, что настоящая система международных отношений характеризуется изменением статуса Соединенных Штатов Америки и размыванием их мощи как сверхдержавы, возникновением все большего количества региональных полюсов силы, в том числе России и КНР. Посредством реализации своих больших стратегий они стремятся занять место в условиях меняющегося мира. И Россия, и Китай разделяют стремление к формированию более справедливого многополярного мирового порядка, основанного на верховенстве международных норм и права, отстаивают укрепление роли Организации Объединенных Наций как основы и гаранта соблюдения принципов межгосударственных отношений. Обе страны выступают против гегемонии и навязывания норм коллективного Запада другим участникам международной системы, вмешательства во внутренние дела и подрыва национальной безопасности государств. В то же время, очевидно, что стороны имеют и различия в своих геополитических устремлениях. Так, например, Китай сегодня все более приобретает черты сверхдержавы и, по мнению некоторых исследователей, может ей стать в будущем. Это заставляет задуматься о потенциальных рисках для России, ее большой стратегии и месте в мировой системе в принципе. В результате делается вывод, что, хотя текущее состояние российско-китайских отношений является выгодным для обеих сторон и оказывает им широкую поддержку, необходимо осознавать вероятные конфликтные точки при построении отношений с возвышающимся Китаем.

Ключевые слова: Большая стратегия; мировой порядок; гегемония; сверхдержава; российско-китайские отношения; поворот на Восток; великое возрождение китайской нации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Навдаева, Мария Евгеньевна

E-mail: navdayka6848@list.ru

Аспирант, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук

Для цитирования: Навдаева М. Е. Большие стратегии России и Китая: общие векторы и потенциальные конфронтации // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 288-301.

Введение

На протяжении уже многих лет в политическом и академическом дискурсах России звучат слова о происходящих в современной мировой системе изменениях. Наблюдается трансформация системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны с ее нормами и правилами игры. Распад биполярного устрои-

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ства мира и последовавшее за ним доминирование США сегодня сменяются растущим числом региональных держав, желающих принимать более активное участие в глобальных делах и реализующих собственные «большие стратегии», что зачастую вызывает серьезное недовольство и сопротивление со стороны западных стран, преимущественно Соединенных Штатов [1]. В числе этих полюсов находятся и Россия, и КНР, стремящиеся идти собственным путем и продвигать свое видение мира, которое реализуют через большие стратегии. Эти стратегии обладают как общими векторами и целями, так и расхождениями, которые важно осознавать в условиях текущих геополитических трансформаций.

Понятие «большая стратегия» начало складываться в начале XX века и в разные периоды подразумевало под собой неодинаковое содержание. Как отмечает Л. Фридрихс, концепция была разработана Дж. Корбеттом в Великобритании, а затем развивалась в трудах Фуллера и Лиделя Харта после Первой мировой войны и относилась к невоенным аспектам ведения войны [2]. В России изучение понятия «стратегия» в этом смысле проводили еще видные военные начала XX века: В. Я. Новицкий, А. Е. Вандам, а затем А. Снесарев и А. Свечин [3].

Д. Дрезнер, Р. Кребс, Р. Швеллер определяют большую стратегию как своеобразную внешнеполитическую «дорожную карту, объясняющую, как соотнести средства и цели», основывающуюся на «очень точном понимании картины глобального распределения силы» и опирающуюся на «нарратив безопасности, в рамках которого определяются главные действующие лица мировой политики и говорится о том, что эти субъекты делали и должны делать, а также изображается глобальный фон, на котором события будут происходить» [4]. В данном исследовании термин «большая стратегия» используется в смысле долгосрочной внешнеполитической стратегии государства по реализации видения своего места в мировой системе.

Изучение большой стратегии Китая часто подразумевает его внешнеполитические стратегии, как, например, «мирное возвышение» и «мирное развитие», «великое возрождение китайской нации», «китайская мечта» и т. д. Так, например, А. В. Бояркина рассматривает большую стратегию КНР именно в этом смысле [5]. Многие исследователи солидарны во мнении, что современная китайская большая стратегия направлена на повышение роли и статуса Китая в мире и расширение участия в глобальном управлении. Этой тематике посвящено значительное количество трудов [6; 7; 8; 9]. Однако не существует консенсуса по поводу того, какое место Китай планирует занять и займет в новой мировой системе. А. Лукин, например, считает, что КНР не стремится к превращению в мирового гегемона [8], а И. Зуенко указывает, что Китай в целом больше не сможет наращивать свою силу по ряду причин, и нынешняя эра – время максимально возможного усиления КНР [10]. С. Г. Лузянин полагает, что Китай все более приобретает черты сверхдержавы [7], в чем его поддерживает Д. В. Гордиенко [11]. У. Б. Кудаяров пишет, что КНР и США вступят в борьбу за мировое господство [12].

Вопрос большой стратегии России более сложен, поскольку Российская Федерация не обладает такой ярко выраженной и сформированной большой стратегией, как Китай сегодня или Соединенные Штаты в предыдущие периоды. Как указывает Т. Бордачев, внешнеполитические решения России основываются не на грандиозных и амбициозных целях, а на оценке ситуации в мире и попытке противостоять возникающим угрозам [13]. Основные положения видения Россией мирового порядка и своей роли в нем представлены в ее доктринальных документах: Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности – как фундаментальных стратегических ориентирах внешней политики, отражающих, как пишет В. К. Белозёров, собственный проект общественно-политического

устройства страны и мира в целом [14]. Как таковых исследований большой стратегии РФ крайне мало. Основная часть научных работ на эту тему сосредоточена на внешнеполитических стратегиях и геополитике. Кроме того, сегодня набирают обороты исследования формирования «Большой Евразии» как геополитического проекта, противостоящего гегемонизму западной системы международных отношений, где Россия может сыграть значительную роль [15]. С этой темой близко пересекаются исследования сопряжения проектов России и Китая – Евразийского экономического союза и Нового шелкового пути [16].

Для России как одного из развивающихся полюсов международной системы сегодня особенно важно понимать происходящие в мировом порядке трансформации и реализуемые другими акторами большие стратегии. Особенно это актуально по отношению к большой стратегии Китая. Во-первых, он является ближайшим соседом России; во-вторых, в условиях деградации российско-западных отношений его роль во внешней политике РФ неуклонно растет, что влечет за собой риски чрезмерной зависимости России от КНР. В-третьих, поскольку сегодня Китай – это не просто развивающееся государство, а восходящая великая держава, потенциально претендующая на статус сверхдержавы, для российского политического истеблишмента важно знать, какие цели Китай преследует на мировой арене, как он видит мир, себя и другие страны в нем и, соответственно, какое место принадлежит России. В связи с этим выдвигается основная цель данного исследования – провести сравнительный анализ больших стратегий России и Китая и выделить в них общее и различное, что позволит выявить как общие векторы в понимании Россией и Китаем будущего мироустройства, так и вероятные конфликтные точки, которые Россия должна принимать во внимание при построении отношений с Китаем в меняющемся миропорядке.

Большие стратегии России и Китая: общее видение будущего миропорядка

Общие векторы в геополитических стратегиях России и Китая обусловлены в первую очередь отношениями между странами, которые сегодня, по некоторым оценкам, считаются самыми крепкими в истории [17]. Основные принципы двусторонних отношений закреплены в подписанном в 2001 г. и пролонгированном двадцатью годами позже «Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который уже на тот момент указывал на стремление к «утверждению нового справедливого и рационального международного порядка, основанного на строгом соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права» [18], а также отражал общее видение Россией и Китаем будущего мироустройства:

1. Уважать суверенитет и территориальную целостность, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела, поддерживать равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование;
2. Не применять силу или угрозу силой, не использовать инструменты давления, решать разногласия исключительно ненасильственными средствами в соответствии с Уставом ООН и другими нормами международного права;
3. Не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты;
4. Уважать выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития;
5. Укреплять доверие в военной области, основываться на принципе разумной достаточности вооружений и вооруженных сил;
6. Не участвовать в союзах или блоках и не заключать договоров с третьими государствами, не использовать свою территорию третьими государствами в ущерб суверенитету, безопасности и целостности другой стороны;

7. Укреплять центральную роль ООН как наиболее авторитетной и универсальной организации в решении глобальных проблем.

Кроме того, в последние годы общие требования к миропорядку были обозначены в трех совместных заявлениях: «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» от 2022 г. [19], «об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2023 г. [20], «об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2024 г. [21].

В первом документе стороны продемонстрировали общие позиции по широчайшему кругу международных проблем, таких как понятие демократии; приоритеты мира и развития в отношениях между государствами; международной безопасности и глобального управления, невозможность подрыва национальной безопасности других государств (в том числе Китай поддержал Россию в ее призыве к формированию долгосрочных юридически обязательных гарантий безопасности в Европе); критика военно-политических союзов и их продвижения к границам других стран (включая осуждение западных военных блоков Quad и AUKUS); необходимость сдерживания развития ядерного оружия и поддержание договоров о его нераспространении, а также критика выхода США из некоторых договоров по вооружениям. Кроме того, Россия и КНР вновь заявили о необходимости создания многополярного мирового порядка, в основе которого лежат принципы ООН, и выступили против попытки фальсификации итогов Второй мировой войны, а также поддержали роль развития незападных международных организаций, таких как БРИКС, ШОС, АТЭС и др., в качестве важных платформ по решению и предотвращению глобальных и региональных проблем [19].

Второй документ был опубликован почти ровно через год после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине, а значит, не может не отражать опыт произошедших событий. В заявлении прослеживаются чаяния двух сторон о необходимости кардинальных изменений мироустройства, в котором пока все еще широко распространены «проявления гегемонизма, унилатерализма, протекционизма» «коллективного Запада», его попытки подменять общепризнанные принципы и нормы международного права «порядком, основанным на правилах» [20]. Стороны особо подчеркивают необходимость выбора собственного пути развития, невозможность навязывания другим странам своих ценностей, включая использование понятия «демократия» как средства давления. Все эти постулаты были закреплены и в новом совместном заявлении 2024 г. [21].

Общее видение мира подкрепляется сегодня и качеством российско-китайских отношений (особенно после начала СВО на Украине, за которой последовала еще большая материально-духовная изоляция России от Европы, вынудившая реализовывать так называемый «поворот на Восток», который повысил статус и роль КНР во внешней политике России), поддержкой друг друга по острым национальным проблемам. Так, например, Россия полностью поддерживает КНР в вопросе невозможности допущения независимости Тайваня [19], а Китай, в свою очередь, не поддержал резолюцию против СВО России в совете Безопасности ООН в 2022 году. Также в октябре 2023 года Россия и Китай вместе выступили против резолюции США по поводу решения израильско-палестинского конфликта, а Китай поддержал предложенную Россией резолюцию [22].

Важнейшей геополитической инициативой России и КНР является создание «Большой Евразии» – сопряжение Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс, один путь», соглашение о котором было подписано в мае 2015 г. [23]. Главными предпосылками создания такого партнерства стали permanently ухудшающиеся отношения России с Западом, из которых стало понятно, что Запад не желает принимать Россию в качестве равного партнера, а только младшего (З. Бжезинский в своем труде «Россия в Современном мире» писал, что Америка «никогда не намеревалась делить власть на земле с Россией» и поддерживать некое «зрелое стратегическое партнерство» [24]), в связи с чем в последние годы РФ активно осуществляла «поворот на Восток». Кроме того, для России как в геополитическом смысле, так и с точки зрения национальной безопасности важно сохранить ключевые позиции на постсоветском пространстве, «быть лидером и центром притяжения всей Евразии» [15], не позволяя западным странам вмешиваться во внешне- и внутривосточные дела региона. КНР тоже может получить значительную выгоду от партнерства, как экономическую, так и дипломатическую в связи с усилением противостояния с США [16].

Также в контексте совместных глобальных стратегических проектов стоит упомянуть сопряжение Северного морского пути России и Морского шелкового пути КНР, что обусловлено вектором на развитие Арктики в КНР и потребностью развития Севморпути и северных регионов для РФ. Арктический регион обладает высокой стратегической значимостью для обеих сторон. Для России, например, проекты по освоению Северного морского пути могут стимулировать социально-экономическое развитие прибрежных областей, строительство портов и другой инфраструктуры. Для КНР это возможность развития альтернативных транспортных путей в обход традиционных, проходящих через нестабильный Малаккский пролив. Кроме того, арктическая стратегия также является одним из основных направлений внешней политики КНР по наращиванию присутствия в мире и участия в глобальном управлении.

Широкая поддержка друг друга на мировой арене, тесные связи и партнерство, включая увеличивающееся военное сотрудничество (в том числе на море), привели к тому, что в последние годы все чаще стали звучать идеи о возможности и необходимости создания военно-политического союза между Россией и Китаем, как среди российских исследователей, так и среди китайских [25]. Одной из главных причин этих дискуссий является непрекращающаяся турбулентность обстановки в мире, в особенности давление на Китай и Россию со стороны США. Как отмечает И. Денисов, экономическая поддержка, постепенный отказ от доллара во взаимных расчетах, солидарное голосование в Совбезе ООН и синхронизация международной информационной повестки создает ощущение, что, «антизападный российско-китайский фронт уже создан» [26].

На официальном уровне Россия и КНР неоднократно заявляли о том, что построение военного объединения невозможно, что указывалось, например, в совместном заявлении «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» [19]: «российско-китайские межгосударственные отношения нового типа превосходят военно-политические союзы времен “холодной войны”», а в совместном заявлении от 2023 г. стороны подчеркивают, что их отношения не носят блокового и конфронтационного характера и не направлены против третьих стран [20]. Как справедливо подчеркивает И. Денисов, этот вопрос не такой простой, и у обеих сторон есть лимиты для военного сближения, начиная от нежелания повторять негативный опыт советско-китайских отношений и различий в методах

ведения внешнеполитической деятельности и до опасений России попасть в зависимость от КНР [26].

Таким образом, схожее видение необходимых преобразований международной системы, общие позиции по многим мировым вопросам, тесное сотрудничество и крепкие связи действительно играют важную роль в российско-китайских отношениях, предоставляя обеим странам значительную поддержку. Соответственно, выгоду получают обе стороны. Для России действительно важно иметь такого партнера, как Китай, особенно в условиях усиления конфронтационных точек в отношениях с Западом, в том числе расширения НАТО (стоит принять во внимание вступление в НАТО Финляндии и Швеции). Китай также выигрывает от политического партнерства с РФ, поскольку ему тоже противостоят многие страны, как региональные соседи, так и США (например, усугубление отношений с США в последние годы, попытки США сдерживать развитие Китая, разворот США в АТР для сдерживания КНР).

В то же время необходимо реалистично оценивать отношения России и Китая, абстрагируясь от нарочито прокитайского дискурса, которому порой слепо следуют некоторые политики и аналитики. Высоко оценивая выгоду от партнерства с КНР, необходимо вместе с тем объективно рассматривать, к чему реально стремятся Россия и Китай в новом устройстве мира, в связи с чем возникает необходимость рассмотреть не только общее, но и частное в их больших стратегиях.

Большая стратегия Китая: глобальные устремления и риски для России

Важно учитывать, что позиционирование Китаем себя в мир-системе в значительной степени основывается на его прошлом, включая, согласно политическому дискурсу, его «великие исторические достижения» [27], а также так называемые «сто лет унижения» - период примерно с середины XIX до середины XX веков, когда Китай находился в упадке в связи с вторжением западных колониальных держав, навязавших ему неравноправные договоры и превративших его в полуколонию. Именно эти два факта определяют внешнеполитическую стратегию КНР и стремление к «великому возрождению китайской нации». Следовательно, справедливость порядка для Китая подразумевается не только в равноправии всех государств, но и во многом в возвращении Китаю некогда былого величия, отнятого западными колониалистами.

Китайские высшие правящие круги обычно открыто не заявляют о своих намерениях превращения в единоличного мирового лидера, наоборот, подчеркивая, что Китай поддерживает многополярность и противостоит идее монополии одной державы и навязывания ее правил и ценностей остальным участникам [28]. Для этого активно используются различные идеологемы, как, например, «мирное возвышение» или «мирное развитие», направленные на некоторое смягчение возрастающего веса КНР. Кроме того, власти КНР часто заявляют, что государство преследует только мирные цели на мировой арене, придерживается отношений общей выгоды, а не игры с нулевой суммой [29], чем хочет продемонстрировать отсутствие стремления к гегемонии и сделать свою большую стратегию более привлекательной для других стран (что, например, предлагается через инициативу «Сообщество единой судьбы человечества»).

Однако Китай заявляет и о необходимости реформирования существующего мирового порядка и выражает обеспокоенность по поводу происходящих в мире событий, в связи с чем предлагает различные глобальные инициативы. Отмечается, что современная западная система международных отношений обладает многими недостатками, поскольку не успевает за кардинальными изменениями, произошед-

шими за семьдесят лет после Второй мировой войны; требуются иные подходы, в том числе конструирование новых механизмов и методов глобального управления [28]. В связи с этим КНР также выступает за установление «более справедливого мирового порядка», основанного на верховенстве международного права во главе с Организацией Объединенных Наций и приоритетом обеспечения глобальной стратегической стабильности [28].

За последние несколько лет Китаем было предложено несколько важных концепций, отражающих видение страной будущего мирового устройства. В сентябре 2021 года на Генеральной Ассамблее ООН была выдвинута «Инициатива глобального развития», которая подчеркивает необходимость реализации целей по устойчивому развитию ООН. В ее рамках на платформе организации была создана «группа друзей инициативы глобального развития», к которой присоединилось более 50 стран; созданы «Фонд глобального развития и сотрудничества Юг-Юг» и «Центр продвижения глобального развития», увеличены инвестиции в Фонд мира и развития КНР-ООН и т. д. [30].

В марте 2023 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул «Глобальную цивилизационную инициативу», направленную на уважение разнообразия цивилизаций в мире, их равенство, диалог между собой и терпимость; на совместную защиту общих ценностей человечества, таких как мир, развитие, справедливость [31]. В ней предлагается усилить культурное сотрудничество между странами и создать «диалог цивилизаций», вместе содействуя развитию общечеловеческой цивилизации [31]. Также в 2023 году КНР опубликовала документ «Инициатива глобальной безопасности», где продемонстрировала ключевые положения своего видения безопасности мира: стремление к всеобщей всеобъемлющей безопасности, территориальная целостность и уважение суверенитета всех стран, следование принципам ООН, невозможность обеспечения безопасности одних стран за счет других, мирное разрешение конфликтов [32]. Эти инициативы, наряду с некоторыми другими, как, например, «сообщество единой судьбы человечества», «экологическая цивилизация», не только отображают видение Китая мира, но и демонстрируют развитие в КНР дискурсивной силы и подхода «великой ответственной державы», направленных на увеличение политического статуса КНР на мировой арене.

Российская Федерация положительно относится к предлагаемым КНР инициативам, что закреплено в Совместном заявлении 2023 года. Кроме того, как указывает В. Е. Петровский, инициатива глобальной безопасности в значительной степени перекликается с подходом России по безопасности в Евро-Атлантике и на Украине [33].

Китай пытается занять одно из ведущих мест в системе международных отношений. Причем, как указывает К. Е. Кожухова, проведя анализ внешнеполитического образа Китая в его законодательных документах, «глобальные устремления Китая демонстрируются практически в каждом доктринальном документе» [34]. Действительно, сегодня стратегические интересы КНР даже больше не ограничиваются Азиатско-Тихоокеанским регионом, распространяясь на все континенты, что подтверждается, например, китайской экономической инициативой «Один пояс, один путь». Китай уже является мировым экономическим лидером (если учитывать ВВП по паритету покупательной способности) и, соответственно, оказывает серьезное влияние на мировые торговые потоки.

Кроме того, в 2012 г. был объявлен курс на построение великой морской державы – стратегическая цель, которая реализовывалась последнее десятилетие. Сейчас КНР активно примеряет на себя роль великого морского государства, интересы Ки-

тая распространяются не только на прибрежные моря, но и на Индо-Пацифику, Атлантику [35], Северный Ледовитый океан и Арктику [36], при этом активно развивается флот, занимающий уже второе место после США по водоизмещению.

Мнения о том, какое место в итоге займет КНР в будущем мировой системе, пока расходятся, хотя многие полагают, что Китай верно движется к статусу сверхдержавы. В. Портяков, например, считает, что де-факто КНР уже занимает второе место в мире по совокупной мощи и, возможно, опередит США в ближайшей перспективе [9]. С. Г. Лузянин отмечает, что КНР приобретает черты сверхдержавы, но при этом в ближайшем будущем по ряду социально-экономических показателей вряд ли обгонит США [7]. Это мнение разделяет Г. М. Дерлугьян: Китай пока значительно отстает в технологическом, культурном и потребительском аспектах, чтобы считаться сверхдержавой [37]. Другие полагают, что КНР сравняется с Соединенными Штатами в своей мощи и начнется новое биполярное противостояние [38]. А. Лукин заявляет, что Поднебесная не претендует на роль мирового гегемона вместо Соединенных Штатов, но «настаивает на более серьезной роли, соответствующей его вкладу в мировую историю и культуру и нынешней мощи» [8]. Существует также точка зрения, что КНР сегодня находится в точке своего максимального развития и вряд ли станет сильнее [10].

Автор данного исследования, однако, полагает, что Китай действительно обладает некоторыми лимитами в смысле становления в качестве сверхдержавы, например, в технологическом аспекте, несмотря на активную технологическую политику, в социально-экономических индикаторах, таких как ВВП на душу населения. Так, например, лидерство в инновационно-технологическом развитии является неотъемлемым компонентом сверхдержавности, что было на практике доказано Соединенными Штатами Америки. Согласно статистике ЮНЕСКО, в 2020 г. США входили в десятку стран с наивысшим уровнем расходов на НИОКР, что составило 3,46 % ВВП страны в 2021 г., при этом этот показатель вырос с 2,85 % в 2016 г. [39]. Также США занимают второе место в рейтинге стран по глобальному индексу инноваций (Global Innovation Index 2022) [40]. Доля НИОКР в ВВП Китая составила 2,43 % в 2021 г., увеличившись с 2,1 % в 2016 г., а по индексу инноваций КНР занимает 11-е место [40]. Как указывает П. М. Мозиас, количество сфер, в которых Китай обладает собственными инновационными разработками мирового уровня, достаточно мало, и КНР пока еще в значительной степени опирается на импорт технологий [41]. Что же касается ВВП на душу населения, для сравнения, в 2023 г. этот показатель у США составил 81632 долл. США (шестое место в мировом рейтинге) [42], а у КНР – 12621 долл. США [43]. К этому прибавляется также международное давление со стороны враждебно или скептически настроенных к возвышению КНР стран как в АТР, так и в мире в целом, особенно США.

Китай, однако, пока еще сохраняет высокие темпы роста экономики (5,95 % в 2019 г., 8,45 % в 2021 г., 5,24 % в 2023 г.), несмотря на падения роста ВВП в 2020 и 2022 гг. до 2,24 % и 2,99 %, соответственно [44]. Экономическое развитие вместе с активным военно-морским строительством дает КНР высокие шансы на становление если не сверхдержавы, то одной из великих мощных держав, бросающих вызов западному доминированию. Таким образом, хотя споры о том, станет ли КНР сверхдержавой, еще идут, глобальные устремления Китая становятся все более и более явными, что вызывает необходимость более глубокого понимания, как будут складываться отношения России и Китая в меняющемся миропорядке.

Если большие стратегии Китая и Соединенных Штатов более-менее понятны, то большая стратегия России демонстрируется не так четко, возможно, пото-

му, что РФ не обладает такими глобальными устремлениями, как Китай и Америка, а также не располагает такими широкими экономическими, политическими и военными ресурсами. Российская Федерация на международной арене сегодня стремится в первую очередь к обеспечению безопасности и недопущению «экзистенциальных угроз» [45] в своих стратегически важных зонах – на постсоветском пространстве, в том числе на украинском направлении [46]. Главное требование заключается в формировании более справедливого мирового устройства, основанного на равенстве государств и их праве выбирать собственные пути развития, на отсутствии монополии на мировую власть, на невмешательстве во внутренние дела, неделимости безопасности в глобальном и региональном аспектах, взаимовыгодном сотрудничестве на основе баланса интересов, а также ответственном лидерстве ведущих государств [46]. В то же время Россия придает большое значение удержанию позиций в качестве лидирующей державы в Евразии. Соответственно, главной задачей большой стратегии России является развитие ее роли как одной из великих держав в многополярной мировой системе.

Однако намерения РФ могут омрачаться некоторыми факторами [47], помимо ограниченности ресурсов. Во-первых, даже проект Большой Евразии пока сталкивается с проблемами в реализации. Во-вторых, «кризис идентичности» России, связанный с до сих пор не сформированным четким осознанием, является ли Россия все-таки европейским или азиатским государством, также приводит к неопределенности в статусе России в миропорядке.

Наконец, в условиях разорванности связей с западными странами «поворот на Восток» по большей мере циклится на отношениях с КНР, а не на создании полноценной восточной стратегии. Это приводит к рассуждению о потенциальных вызовах возвышения Китая в международной системе для России. Речь при этом не идет о том, что Китай намерен захватывать российские территории, это кажется маловероятным, а о том, что диспропорции между развитием двух стран постоянно увеличиваются и отношения становятся все более асимметричными. Сегодня доля России в общем внешнеторговом обороте КНР занимает лишь 3 % [48]. Некоторые полагают, что существуют риски потенциальной зависимости России от Китая в будущем миропорядке [26], особенно насчет превращения России в его сырьевую площадку. Кроме того, разрыв в экономической и военной мощи может привести к снижению российского влияния на постсоветском пространстве и мире в целом [8] и вытеснению РФ с центральноазиатских рынков [49].

Также ставится вопрос о том, как будет позиционироваться Россия при дальнейшем возвышении КНР как потенциальной сверхдержавы. Будет ли КНР взаимодействовать с Россией на равных или примет ее в качестве младшего партнера [26], что вряд ли подойдет для России, которая в своих внешнеполитических доктринах не раз заявляла о стремлении к многополярному порядку, где все страны равны. Более того, у России уже есть опыт взаимодействия в качестве такого младшего партнера – в отношениях с Европой и США, и этот опыт в результате оказался не слишком позитивным. Наконец, существуют и некоторые конфликтные точки в отношениях России и КНР, которые пока сглаживаются в условиях процветающих отношений, но могут выявиться в случае форс-мажора. Например, ситуация в Арктике, которая в последние годы стала еще одним регионом стратегической значимости для Китая, стремящегося к расширению доступа к международному управлению регионом и участию в таком управлении. Арктические страны, включая Россию, обладают опреде-

ленными правами на свободное судоходство и деятельность в регионе и скептически относятся к идее его интернационализации [50].

Таким образом, с одной стороны, то, что Россия не претендует на роль мирового гегемона, является положительным моментом, поскольку в этом смысле большие стратегии России и Китая напрямую не конфликтуют между собой. С другой стороны, необходимо анализировать, как будут складываться отношения с Китаем в будущем, когда он будет все больше приближаться к статусу сверхдержавы. В условиях реализации концепции «поворот на Восток» необходимо больше уделять внимания развитию отношений и с другими странами, кроме Китая, сохраняя независимость в отношениях с последним. В связи с этим необходимо развивать партнерство в рамках БРИКС, ШОС, региональных форумов, таких как АТЭС. Кроме того, России нужно укреплять свои позиции в евразийских организациях на постсоветском пространстве, таких как, например, ОДКБ и ЕАЭС, но в то же время соблюдая баланс и равноправность во взаимоотношениях с другими акторами, чтобы они не увидели в этом стремления к строительству нового СССР.

* * *

Сегодня Россия и Китай пытаются найти свое место в трансформирующейся системе международных отношений. Они выступают оплотом региональных держав, отстаивающих свои национальные интересы и требования безопасности, а также противоборствующих геополитической монополии Запада. В условиях международного давления крепкие российско-китайские отношения и общие устремления играют важнейшую роль в обеспечении стабильного развития обеих стран, предоставляя широкую поддержку. Это особенно важно в рамках усугубления отношений и России, и КНР с США и другими западными странами, стремящимися сдерживать стратегии Китая в АТР и России на постсоветском пространстве.

Хотя КНР и РФ преследуют общие цели создания справедливой и безопасной многополюсной структуры, они также обладают и собственными целями. Например, Китай во многих сферах сегодня превращается в мирового лидера, потенциальную сверхдержаву, направляет усилия на расширение своего доступа к глобальному управлению и активно наращивает совокупную мощь. Россия не стремится к глобальному превосходству, но старается сохранить центральное положение в Евразии, особенно на постсоветском пространстве. Необходимо четко осознать, что декларируемая в совместных заявлениях приверженность схожим векторам развития далеко не означает, что РФ и КНР имеют полный консенсус по всем мировым вопросам. В «повороте на Восток», который в последние годы разрабатывает Россия, в особенности после начала СВО, зачастую происходит перекокс в сторону взаимоотношений с КНР, поэтому концепцию логичнее было бы назвать «поворотом на Китай», хотя на так называемом «Востоке» еще множество других государств, которые также являются мощными региональными центрами, например, Индия, Пакистан и т. д.

Китай же сегодня является самым приоритетным партнером Москвы как в экономическом, так и в геополитическом смысле, и в плане внешнеполитической поддержки для России это имеет большое значение. Однако необходимо оценивать риски, которые РФ может потенциально получить при усилении КНР и ее позиции на мировой арене. Важно анализировать, как изменится позиция России в Евразии и не потеряет ли она там своей роли; как будет строиться партнерство между Пекином и Москвой – на равных условиях или иерархически – и не грозит ли России получение статуса «младшего партнера», как это случилось при выстраивании отношений с Европой и Соединенными Штатами.

Ссылки

1. Ruggie J. G. *American Exceptionalism and the U.S. Role in the World, Power and Superpower: Global Leadership and Exceptionalism in the 21st Century*. New York: The Century Foundation Press, 2007. 440 p.
2. Freedman L. *Grand Strategy: The History of a Concept* // *The Oxford Handbook of Grand Strategy*. 2021. P. 25–40. URL: <https://academic.oup.com/edited-volume/35431> (дата обращения: 12.03.2024).
3. Belozеров V. K. *Strategy as a Political Phenomenon and Concept* // *RUDN Journal of Political Science*. 2023. Vol. 25, № 2. P. 368–376.
4. Дрезнер Д., Кребс Р., Швеллер Р. *Конец большой стратегии* // *Россия в глобальной политике*. 2020. Т. 18, № 4. С. 83–95. EDN TACJFR..
5. Бояркина А. В. *Большие стратегии внешней политики КНР: от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина* // *Российско-китайские исследования*. 2023. Т. 7, № 1. С. 69–78.
6. Ларин В. Л. *Глобальный Китай: возрождение срединной империи или борьба за выживание?* // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2020. № 4. С. 47–67.
7. Лузянин С. Г. *"Возвышение" Китая как фактор мировой политики* // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. 2014. № 5. С. 17. EDN SXHLYV..
8. Лукин А. *Китай – экзистенциальная угроза для США* // *HSE Daily*. 16.11.2021. URL: <https://daily.hse.ru/post/aleksandr-lukin-kitay-ekzistentsialnaya-ugroza-dlya-ssha> (дата обращения: 12.03.2024).
9. Портяков В. *Возвышение Китая: что дальше?* // *Россия в глобальной политике*. 2014. Т. 12, № 3. С. 132–141. EDN SIVYCL.
10. Зуенко И. *Есть ли у Китая внешнеполитическая идеология?* // *Валдай*. 09.03.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/est-li-u-kitaya-vneshnepoliticheskaya-ideologiya/> (дата обращения: 12.03.2024).
11. Гордиенко Д. В. *Система международных отношений в XXI веке: взгляды китайского руководства* // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2021. Т. 26, № 26. С. 97–112.
12. Кудаяров У. Б. *Большая стратегия Китая* // *Вестник МГИМО Университета*. 2022. Т. 15, № 6. С. 206–217. DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217.
13. Bordachev T. V. *The Bear's New Strategy* // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, № 3. P. 144–149. DOI 10.31278/1810-6374-2021-19-3-144-149.
14. Белозёров В. К. *Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации* // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2021. № 2. С. 20–35. DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_20.
15. Лукин А. В. *Россия и Китай в Большой Евразии* // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 46–59. DOI 10.17976/jpps/2020.05.04.
16. Бордачев Т. В. *Новое евразийство* // *Россия в глобальной политике*. 2015. Т. 13, № 5. С. 194–205.
17. Чжао Лун. *Российско-китайское арктическое сотрудничество: вызовы и пути развития* // *Институт международных исследований КНР*. 2018. URL: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/2018n/202007/t20200714_1923.html (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).
18. *Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation*. 2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjdt_665385/2649_665393/200107/t20010724_679026.html (дата обращения: 28.01.2024).

19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 28.01.2024).
20. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 21.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 28.01.2024).
21. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами // Президент России. 16.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 17.07.2024).
22. Совбез ООН не смог принять ни одну из предложенных США и Россией резолюций по Ближнему Востоку // ООН. 25.10.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446187> (дата обращения: 12.03.2024).
23. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 28.01.2024).
24. Бжезинский З., Киссинджер Г. Россия в американской геополитике. До и после 2014 года. М.: Родина, 2023. 240 с.
25. Хань Ш. Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 111–122.
26. Денисов И. В обход Украины: почему сближение России и Китая имеет свои пределы // Forbes. 05.02.2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/454677-v-obhod-ukrainy-rosemu-sblizenie-rossii-i-kitaa-imeet-svoi-predely> (дата обращения: 12.03.2024).
27. Реализация великого возрождения китайской нации вступило в необратимый исторический процесс // Государственный комитет по развитию и реформам КНР. 01.03.2023. URL : https://www.ndrc.gov.cn/wsdwhfz/202303/t20230301_1350468.html (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).
28. Вэй Лин. Новые веяния и развитие видения Китая Мирового порядка // Народный форум. 04.2022. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2022-04/01/content_25917779.htm (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).
29. Qin Gang. How China Sees the World // National Interest. 26.12.2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/how-china-sees-world-206058> (дата обращения: 12.03.2024).
30. Три важных события за три дня, председатель Си Цзиньпин подчеркнул развитие // Агентство по международному сотрудничеству в развитии КНР. 15.08.2022. URL: http://www.cidca.gov.cn/2022-08/15/c_1211676349.htm (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).
31. Инициатива по глобальной цивилизации // Дипломатия Китая в новую эпоху. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-08/04/content_97741364.shtml (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).
32. Инициатива глобальной безопасности (полный документ) // Сайт правительства КНР. 21.02.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).
33. Петровский В. Е. «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. № 28. С. 11–19. DOI 10.48647/ICCA.2023.36.14.002.

34. Кожухова К. Е. Репрезентация внешнеполитического образа страны в доктринальных документах Китайской Народной Республики (на примере Белых книг) // *Власть*. 2023. Т. 31, № 4. С. 185–196.
35. . Некоторые мысли о стратегии Китая в Атлантическом океане / Лю Дахай, Лянь Чэнь-чао, Лю Фанмин, Ван Чуньцзюань, Цзи Жуйсюэ, Ли Сяосюань // *Освоение и развитие океана*. 2016. № 33. С. 3–7 (на кит. яз.).
36. Белая книга «Арктическая политика Китая» // Сайт правительства КНР. 26.01.2018. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm. (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).
37. Дерлугьян Г. М. Международные отношения в динамике макроистории // *Международная аналитика*. 2020. № 11. С. 135–146. DOI 10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146.
38. Katz M. N. Great Powers in the Twenty-first Century // Center for International Relations and Sustainable Development. 2018. № 10. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/great-powers-in-the-twenty-first-century> (дата обращения: 28.01.2024).
39. Science, technology and innovation: 9.5.1 Research and development expenditure as a proportion of GDP // The UNESCO Institute for Statistics (UIS). URL: <https://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3684> (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).
40. Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation-driven growth? 15th Edition. World Intellectual Property Organization, 2022. 264 p. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 17.07.2024).
41. Мозиас П. М. Механизмы научно-технологических инноваций в экономике Китая // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2021. № 3. С. 123–159. DOI 10.31249/RVA/2021.03.11.
42. The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) per capita in 2023 (in U.S. dollars) // Statista. 04.07.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/270180/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp-per-capita/> (дата обращения: 17.07.2024).
43. China GDP per Capita // CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/gdp-per-capita#:~:text=What%20was%20China's%20GDP%20per,12%2C674.900%20USD%20in%20Dec%202022> (дата обращения: 17.07.2024).
44. Growth rate of real gross domestic product (GDP) in China from 2013 to 2023 with forecasts until 2029 // Statista. 30.05.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/263616/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-china/> (дата обращения: 17.07.2024).
45. Roberts G. «Now or Never»: The Immediate Origins of Putin's Preventative War on Ukraine // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2022. Vol. 22. № 2. P. 3–27. URL: <https://jmss.org/article/view/76584/56335> (дата обращения: 28.01.2024).
46. Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 28.01.2024).
47. Ниведита К. Индийская дилемма России. Почему буксует «Большая стратегия» Москвы в регионе // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 2. С. 152–165. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-2-152-165.
48. China statistical yearbook // National Bureau of Statistics of China. 2023. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/nds/2023/indexeh.htm> (дата обращения: 12.03.2024).
49. Черникова Л. П. Российско-китайские отношения: история и современность // *Проблемы востоковедения*. 2015. № 2. С. 42–47.
50. Загорский А. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.